
Глава XII
БРЮССЕЛЬ. ВЕНА. ПАРИЖ

*Не зная чужих языков, не знаешь и
своего собственного.*

Гёте

Летний семестр заканчивался в августе, зимний начинался в октябре. Сентябрь был предназначен для отдыха. В 1819 году Гегель побывал с женой на острове Рюген, затем два года подряд ездил на короткий срок в Дрезден. В 1822 году ему захотелось предпринять более длительное путешествие, выбраться наконец в Нидерланды к своему давнему другу и ученику ван Герту. Но такая поездка требовала больших затрат, не предусмотренных бюджетом философа.

Когда Альтенштейн приглашал Гегеля в Берлин, он рисовал радужные перспективы: избрание в академики и увеличение доходов. Минуло четыре с половиной года, но ничего подобного не произошло. Увеличивались не доходы, а расходы. Росли дети и соответственно затраты на их воспитание. Здоровье начинало сдавать и требовало к себе большего, чем раньше, внимания. Приходилось лечиться и жене.

Еще в начале лета Гегель решил просить вспомоществования у правительства. В письме, адресованном министру, он обрисовал свое положение, намекнул о несбывшихся надеждах. Собственные деньги, напоминал Гегель, он принес в жертву своему образованию, которое теперь полностью посвящает разработке наиболее сложной сферы знания. Гегель всегда любил подчеркивать, что философия не чета другим наукам. В данном случае он писал буквально следующее: «Не таясь, я смею добавить, что моя научная дисциплина, которой я отдаю силы на королевской службе, такого рода, что основательная и добросовестная ее разработка требует гораздо больше времени и совсем иных усилий, нежели предметы многих других профессоров, а потому оставляет мне мало времени для восполнения моих доходов с помощью писательской работы»¹.

Альтенштейн в свою очередь обратился с письмом к канцлеру Гарденбергу. Он не отрицал, что обещал Гегелю место оплачиваемого академика и что пока из этого ничего не вышло; хвалил Гегеля как педагога, ученого, человека и просил разрешения выдать единовременное пособие. Впрочем, Гарденберга не нужно было убеждать: автора «Основ философии права» он помнил хорошо. «На покрытие расходов для путешествий, имеющих целью улучшить пошатнувшееся здоровье», профессору Гегелю было предоставлено 600 талеров².

Окончив дела в университете, Гегель двинулся в путь. Первая остановка — Магдебург. Здесь пришлось провести двое суток: не было кареты. В поисках достопримечательностей Гегель набрел на знаменитого Карно. Французский ученый и революционер, военный министр при директории, граф при Наполеоне доживал свой век под полицейским надзором в немецкой провинции. Философ нанес ему визит и был любезно принят.

Магдебург Гегель покинул днем 15 сентября, вечер и ночь провел в дороге и лишь на рассвете прибыл в Брауншвейг. Сразу же принялся осматривать город, побывал в музее, вечером в театре. Ночью отправился дальше, рассвет снова встречал в пути; унылые равнины Бранденбургской марки сменились красивой пересеченной местностью, напоминавшей родную Швабию. Философ с удовольствием смотрел в окно кареты. К трем часам приехали в Нортхайм. Карета на Кассель уходила лишь вечером, но это значило третью ночь провести без сна. Гегель решил воспользоваться курьерской почтой, направлявшейся в Мюнхен. Переночевав там в гостинице, утром он со свежими силами добрался до Касселя. Здесь философ провел два дня, осмотрел город и окрестности, библиотеку, картинную галерею. Лучшие ее экспонаты были похищены Наполеоном, который подарил их своей первой жене Жозефине, а та продала их русскому царю Александру. Война давно окончилась, но картины в Кассель не вернулись. Философ посетовал на превратности судьбы и удовлетворился осмотром того, что оставалось в музее. Из Касселя — в Кобленц, затем водой по Рейну в Бонн и Кёльн.

«Кёльн — весьма просторный город, — писал Гегель жене, — я сразу же отправился в собор. Величественное и изящное в нем, вернее в том, что существует от него, стройные пропорции, вытянутые, как если бы нужно было не подниматься, а взлетать вверх, — все это заслуживает внимания и изумления, тем более как замысел *одного* человека и начинание одного города; тут рождается иное состояние

духа, иной человеческий мир, перед глазами живо встают иные времена. Тут нет какой-либо пользы, наслаждения, удовольствия или удовлетворенной потребности, тут можно лишь бесконечно бродить по высоким залам, каждый из которых сам по себе. Им нет дела до того, используют ли их люди и в каких целях, пустой оперный театр или пустая церковь — это нечто дурное, а здесь высоченный лес, лес духовный, художественный, который вырос и существует сам по себе; ползают ли у его подножия люди, ходят ли они или нет, ему безразлично — он сам для себя; все, что бродит по нему, все, что молится, все, что лазают, — с зеленым клеенчатым ранцем и с трубкой, правда, незажженной, во рту, — все это, вместе взятое с пономарем, теряется в нем; все это, стоит ли, движется ли, бесследно пропадает в нем»³.

Еще в Бонне Гегель познакомился с вдовой Хирн, владелицей преуспевающей торговой фирмы в Кёльне. Здесь она пригласила философа на обед, после которого ее сын показал свое уникальное собрание витражей. Гегель бродил по городу, осматривал церкви, художественные коллекции, древнеримские укрепления, любовался видами Рейна.

В воскресенье 28 сентября гостеприимный Кёльн скрылся вдали, впереди лежал Аахен. Осмотр города и здесь Гегель начал с собора, где находится мраморный трон Карла Великого. Философ не мог отказать себе в удовольствии усесться на трон, на котором короновались 32 императора. Пономарь, водивший Гегеля по церкви, рассказал ему легенду, как 300 лет спустя после смерти Карла Великого его нашли однажды восседающим на своем троне в императорской мантии и короне со скипетром и державой в руках. Шесть часов Гегель уделил осмотру частного собрания живописи. Взглядом знатока он определил близость одной нидерландской картины другой, некогда увиденной у профессора Буассре. Оба произведения действительно представляли собой створки одного и того же алтаря, впоследствии они были приобретены из частных собраний и объединены с центральным изображением в церкви Святого Петра в Лувене.

Конечный пункт путешествия — Брюссель, где Гегеля встречал ван Герт. Нидерланды произвели на философа сильное впечатление всеобщим достатком, благоустроенностью дорог и городов. «Куда они девают нищих и простолудинов, не могу понять. Нет ни одной развалины, покоробленной крыши, прогнившей двери и разбитого окна»⁴. Осмотр окрестностей привел Гегеля в Ватерлоо. «Я увидел эти навеки достопамятные луга, холмы и ориентиры — особенно запомнилась мне поросшая лесом высота, откуда мож-

но видеть на много миль вокруг; здесь установил свой трон Наполеон, князь битв, и здесь потерял его. В полуденную духоту мы ходили часа два-три по окрестным дорогам, где под каждым клочком земли лежат доблестные воины».

После Брюсселя — Гент, Антверпен, Бреда, Гаага, Амстердам, все новые и новые впечатления. «Мои описания становятся весьма беспорядочными, — признавался Гегель жене, — и я не знаю, как привести их в порядок, если попытаться наверстать все, что не успел описать. Последний раз речь шла о церквях. Церкви, как сказано, в Генте, Антверпене — нужно видеть их, если хочешь узнать возвышенные, богатые католические храмы, — огромные, просторные, готические, величественные, с витражами (самые великолепные, которые я когда-либо видел, находятся в Брюсселе), у колонн мраморные статуи в рост человека, поставленные выше коленей, а другие — сидящие или лежащие — их дюжины; картины Рубенса, Ван Эйка и их учеников, большого размера, великолепные, по две-три дюжины в *одной* церкви; мраморные колонны, барельефы, решетки, исповедальни, полдюжины или даже целая дюжина в антверпенской церкви, — каждая украшена превосходными, вырезанными из дерева фигурами в человеческий рост». В Бредe Гегель любовался величественным мавзолеем графа Нассау — шесть фигур: две белого мрамора — изображение усопшей четы, и четыре по углам — Цезарь, Ганнибал, Регул и воин — как бы охраняют их покой. Гегель дал подробное описание этой скульптурной группы в своих «Лекциях по эстетике». В Амстердаме он видел множество подлинных работ Рембрандта⁵.

В Утрехте Гегель распрощался с благодатными Нидерландами. Через Оснабрюк и Бремен он проследовал в Гамбург, где предстояла встреча с Дюбо.

Они познакомились заочно. В начале июня 1822 года Гегель получил письмо от гамбургского фабриканта Дюбо с просьбой изложить свое понимание истины. Философ тогда не ответил, но через полтора месяца пришло второе письмо, более обширное, с той же просьбой. Дюбо писал, что все свое свободное время он посвящает изучению философии, но, не имея надлежащего образования, в поисках истины предоставлен самому себе; выходец из Франции, он в течение многих лет исповедовал господствующий там скептицизм; знакомство с немецкой философией направило его мысли по другому пути, однако ни Кант, ни Шеллинг не удовлетворили его, сейчас он приступил к изучению гегелевской философии и просит у господина профессора совета и

помощи. Отмалчиваться более было неудобно, и Гегель ответил Дюбо, популярно изложив соответствующие параграфы «Науки логики» и «Энциклопедии». Дюбо был удовлетворен, но при встрече засыпал философа новыми вопросами. Расстались они друзьями.

В Берлин Гегель вернулся переполненный впечатлениями. Он скорее устал, чем отдохнул. Генрих Гото, тогда еще студент, пришедший к Гегелю записаться на зимний курс лекций, рассказывает о своих впечатлениях от первой встречи с философом: «Он сидел перед широким письменным столом и в эту минуту рылся в беспорядочно валявшихся друг на друге книгах и бумагах. Рано состарившаяся фигура его была сгорблена, однако сохраняла первоначальную стойкость и силу; удобный серо-желтый халат небрежно спадал с его плеч до земли по его худощавому телу; в нем не было никаких внешних следов ни импонирующего величия, ни притягательного добродушия; первой чертою, обращающей внимание в его поведении, была стародавняя бюргерская почтенная прямота. Я никогда не забуду первого впечатления, произведенного на меня его лицом. Все черты его, будто угасшие, имели вялый и поблекший вид; в них не было видно никакой разрушительной страсти, но зато отражалась вся прошлая молчаливая работа мышления, продолжавшаяся денно и ночью. Муки сомнения, смятение душевных бурь, казалось, не бичевали и не выбивали из колеи этот сорокалетний труд мышления, исканий и открытий; только неустанное настойчивое стремление все богаче и полнее, все строже и неотразимее раскрыть зерно давно счастливо обретенной истины избородило лоб, щеки и рот. Как достойно выглядела голова, как благородно был сложен нос, высокий, хотя и несколько покатым лоб, спокойный подбородок. Благородство верности и чувства глубокой правоты в большом и малом, ясного сознания, что лучшие силы истрочены только на поиски истины, были своеобразно и отчетливо выражены в его чертах. Я ожидал разговора на научную тему и был весьма удивлен, услышав из его уст нечто совсем иное. Этот изумительный человек, вернувшийся только что из Нидерландов, говорил только об опрятном виде городов, красоте и плодородии сельских местностей, бескрайних зеленых лугах, стадах, каналах, высоких ветряных мельницах, шоссежных дорогах, сокровищах искусства, обеспеченной жизни; обо всем этом рассказывал он столь обстоятельно, что за полчаса, проведенные у него, казалось, я побывал в Голландии»⁶.

Гото был в числе первых, кто слушал лекции Гегеля по философии всемирной истории. Содержание этих лекций

мы уже знаем. Внешне, со слов Гото, дело обстояло следующим образом: «Ему предстояла задача извлечь самые серьезные мысли из глубочайшей основы вещей, и хотя эти мысли были продуманы и разработаны им много лет тому назад и много раз, тем не менее для того, чтобы живо воздействовать, они всегда должны были вновь в нем рождаться. Нельзя себе представить более наглядного пластического выражения подобных трудностей и тяжелого труда, чем в форме его лекций. Как древние пророки, чем настойчивее они боролись с языком, тем выразительнее высказывали то, что боролось в них самих — отчасти побеждая, отчасти побеждаемые, — точно так же боролся и побеждал и он с неуклюжей серьезностью. Весь углубившись лишь в свою мысль, он, казалось, развивал ее для слушателей из нее самой, ради нее самой, как бы не из своего духа, и тем не менее она возникала из него самого, и забота о ясности почти отечески смягчала его упорную серьезность, которая могла бы отпугнуть от восприятия таких трудных мыслей. В самом начале он еще запинался, потом опять повторял фразу, останавливался, говорил и думал; казалось, ему никогда не удастся найти подходящего слова, но вот он с уверенностью произносил его; оно оказывалось простым и тем не менее было неподражаемо уместным, неупотребительным и в то же время единственно правильным. Всегда казалось, что самое важное должно быть высказано еще впоследствии, и тем не менее оно незаметно и в совершенно полной форме было уже высказано. Наконец, ясное значение мысли было схвачено, и являлась надежда на желанное движение вперед. Напрасно. Мысль, вместо того чтобы двигаться вперед, вращалась на одном и том же месте, выражаемая в похожих друг на друга словах.

Однако если утомленное внимание рассеивалось и слушатель спустя несколько минут, испуганный, внезапно возвращался к лекции, он находил в наказание себе, что утратил связь мыслей. Медленно и обдуманно подвигаясь вперед сквозь мнимо незначительные посредующие звенья, Гегель ограничивал до односторонности какую-либо полную мысль, различая в ней несколько сторон, и приходил к противоречиям, победоносное разрушение которых должно было мощно воссоединить наименее согласуемое... Таким образом, ему превосходно удавалось изображать эпохи, народы, события, индивидуальные характеры; его глубоко проникающий взор открывал ему везде сущность вещи, и энергия его прирожденной способности созерцания даже и в старости не утратила своей юношеской свежести и силы».

Гегель покорял не внешним блеском своих лекций, а глубиной их содержания. Труднодоступная форма изложения, свидетельствующая в молодости лишь о неопытности преподавателя, теперь, когда он близился к зениту славы, в глазах аудитории была признаком величия идей, не укладывающихся в нормы обыденной речи. Слава Гегеля перешагнула границы Германии.

Забегая несколько вперед, расскажем о тех впечатлениях, которые вынес от лекции Гегеля и встреч с ним Иван Киреевский. Будущий славянофил приехал в Берлин в феврале 1830 года. Сначала Гегель, читавший лекции по истории философии, ему не понравился: «Говорит он несносно, кашляет почти на каждом слове, съедает половину звуков и дрожащим, плаксивым голосом едва договаривает последнюю. Есть, однако, здесь один профессор, который один может сделать учебу в Берлине полезным и незаменимым, — это Риттер, профессор географии». Мнение Киреевского о Гегеле затем постепенно меняется: «Я начал мириться с его гнусным образом преподавания; с некоторого времени я променял на него моего Риттера, который читает с ним в одни часы. Я предпочел слушать Гегеля, потому что он стар, скоро умрет и тогда уже не будет возможности узнать, что он думал»⁷. В конце концов великий диалектик покорил юношу. Киреевский написал ему письмо, «отменно вежливое», с просьбой о встрече. Ответ не заставил себя ждать:

«Сударь!

Ваше посещение будет для меня честью, дома я бываю обычно по утрам до 12 часов (завтра до 11). Должен, однако, признаться, что тон Вашего любезного письма поставил меня по отношению к Вам в неловкое положение, чего можно было избежать, ибо я в соответствии с моим служебным положением всегда доступен.

С глубоким уважением

преданный вам

проф. Гегель

Берлин, 23 марта 1830».

На следующее утро Киреевский явился в дом на улице Ам Купферграбен и в свою очередь очаровал философа. А еще через день Киреевского разбудил посылный: Гегель приглашал его прийти еще раз, в любой вечер, когда ему будет угодно. «Только господин профессор хотел бы это знать заранее, так как будут приглашены и другие». Посмотреть на одаренного русского студента собрались ученики Гегеля Ганс, Михелет, Гото, писатель Раупах, некая генеральша и заезжий американец. «Во весь вечер разговор был живой и

всеобщий, хотя я по большей части говорил с Гегелем особенно. Гостеприимнее, приветливее и добродушнее его быть невозможно». И, заканчивая письмо домой, содержавшее отчет о жизни в Берлине, Киреевский обращался к отчиму: «Милый папенька! Выпишите, если нет в Москве, “Энциклопедию философских наук” Гегеля. Здесь вы найдете столько любопытного, сколько не представляет вся новейшая немецкая литература, вместе взятая. Ее трудно понять, но игра стоит свеч».

* * *

В начале сентября 1824 года Гегель отправился в новое большое каникулярное путешествие. На этот раз его целью была Вена. Путь лежал через Дрезден, и здесь снова философ наслаждался сокровищами всемирно известной картинной галереи. Был в гостях у романтика Тика на одном из его знаменитых литературных вечеров. В этот вечер читалась новая комедия. Гегель слушал с интересом, но до конца не досидел: утром в половине пятого надо было следовать дальше.

Подъезжая к австрийской границе, Гегель в письме напоминал жене, что здешние власти проявляют повышенный интерес к частной переписке, поэтому просил не писать о политике, только о сугубо личных вещах, приятных и радостных. В Праге философ провел неделю. По приезде он сразу отправился в Градчаны, но там шли военные маневры, палили из ружей и пушек, все было заполнено войсками. Гегелю пришлось ретироваться. Лишь на следующий день ему удалось подняться на знаменитый холм и полюбоваться золотой Прагой (наступала осень, листья начинали желтеть). С утра до вечера Гегель бродил по городу, осматривая старинные церкви, дворцы, картинные галереи.

В Вене самым сильным впечатлением была итальянская опера. «До тех пор, пока у меня будут деньги на итальянскую оперу и на обратный путь, я останусь в Вене», — сообщал он домой, подробно описывая свои театральные впечатления. «Позавчера и вчера выступила госпожа Фодор. Какая школа, возвышенность исполнения, нежность, выразительность, вкус! Это великолепный мастер оперы!»⁸

Гегель был не только любителем, но и знатоком оперного пения. Итальянцы его настолько покорили, что он не выезжал за город, чтобы успеть попасть в театр и не быть утомленным. Днем, когда выдавалась свободная минута, он гулял в городских парках — особенно полюбился ему Пратер, — а вечером шел в театр. Если не было спектакля в опере, от-

правлялся в известный Леопольдштадтский театр Петрушки. В первый раз Гегель попал здесь на представление, состоявшее из двух частей: сначала сентиментальная драма, а затем буффонада — сплошное переплетение забавных бессмыслиц, уличные песенки, танцевальная музыка — все это шумит и неистовствует в течение трех четвертей часа без остановки и отдыха. Потешно и талантливо.

Побывал Гегель в зоологическом саду, где к нему как к профессору Берлинского университета отнеслись с вниманием и пиететом. Посетил императорскую библиотеку — крупнейшее по тем временам книгохранилище (300 тысяч томов в одном зале!). В казначействе ему показали алмаз ценою в миллион. Директора музеев лично сопровождали философа, и он подолгу любовался богатейшими художественными коллекциями, понимая, что он знакомится лишь с малой, самой выдающейся их частью. Иногда Гегель приходил в неурочный час, но перед ним всегда открывались двери даже частных собраний: это была дань уважения, к тому же философ не скупился на чаевые. В Вене его поразила одна деталь: доступ к сокровищам искусства был бесплатным. В галерее Эстергази — крупнейшего магната, чьи владения простирались от Вены до турецкой границы, Гегель побывал трижды. Но сильнее всего его по-прежнему влекли к себе итальянцы.

«Пополудни снова провел несколько часов в Бельведере, а потом “Севильский цирюльник” Россини. Какой великолепный Фигаро этот Лаблаш, а госпожа Фодор — какая Розина! Это совершеннейшая певица! Какая красота, задушевность, мастерство, свободное владение голосом и вкус в пении»⁹.

«Севильского цирюльника» Гегель слушал два раза. Мадам Фодор пробудила у философа восхищение не только своим искусством; Гегель чистосердечно признался в этом своей жене и в знак супружеской верности отправил в письме лепестки груши, которая вдруг на его глазах расцвела осенью во второй раз. Письма домой он сочинял каждый день, сразу же описывая увиденное. Фейерверк впечатлений ослеплял память: Гегель уже не помнил, что было накануне. «Ты мне потом должна будешь рассказывать, как я проводил здесь время», — писал он жене¹⁰.

Но все имеет конец, особенно деньги и время. После двухнедельного пребывания в австрийской столице Гегель пустился в обратный путь. В Дрездене его ждала приятная встреча с Виктором Кузеном.

Издатель Декарта и Платона, Кузен в глазах немецких профессоров был единственным французом, поднявшимся до уровня современной теоретической философии. Гегель

познакомился и подружился с ним в 1817 году в Гейдельберге. Молодой французский философ прибыл тогда в Германию с целью углубить свои познания в немецкой науке. Его эрудиция кончалась на Канте. Во Франкфурте-на-Майне он познакомился с Фридрихом Шлегелем и историком Шлоссером. Первый поведал ему, что в настоящее время в Германии есть три великих философа: Якоби, Шеллинг и Фриз. Второй, направлявшийся на работу в Гейдельберг, уговорил Кузена заглянуть в этот университетский город. Кузен предполагал задержаться там не более двух часов, но когда его познакомили с Гегелем, то пробыл двое суток, а на обратном пути — еще три недели. До Якоби и Шеллинга, проживавших в Мюнхене, Кузен так и не добрался, а Фриз на него впечатления не произвел. Кузен побывал у Гёте в Веймаре и у Шлейермахера в Берлине, но его помыслами владел теперь только Гегель. Тогда только что вышла «Энциклопедия». Кузен, плохо владевший немецким языком, пытался проникнуть в ее смысл с помощью Карове. Они гуляли вдвоем по аллеям дворцового сада с томиком в руках, и ученик Гегеля переводил ему с листа «Энциклопедию». Вечером они шли к профессору, за чаем тот растолковывал обоим непонятные места, устраняя, впрочем, далеко не все неясности. Кузена прежде всего привлекала в Гегеле общность политических убеждений. Впоследствии он говорил, что не было на свете другого человека, с которым в такой степени совпадали его взгляды. Как и Гегель, Кузен высоко оценивал Французскую революцию, живо интересовался ее событиями, но был монархистом и либералом, был «синим», если использовать выражение Наполеона, который так обозначал свое место в политике, имея в виду французские национальные цвета (то есть не «белым» и не «красным»).

Теперь Кузен приехал, сопровождая герцога Монтебло. Вот уже несколько лет, как французского друга Гегеля отстранили от чтения лекций в Сорбонне: он вызвал подозрения властей. Освободившееся время Кузен использовал для литературной работы. Гегель радовался успехам друга и встрече с ним.

Домой Гегель вернулся отдохнувший и веселый. Вскоре, однако, пришла неприятная новость, испортившая настроение: Кузена арестовали. Вначале никто толком не знал, как это случилось, кем арестован, за что. Потом картина немного прояснилась: арестован в Дрездене саксонской полицией, передан прусским властям, содержится в кёпеникской тюрьме, обвиняется в преступных связях с немецкими бунтовщиками. Будто бы еще в 1820 году Кузен заключил с двумя не-

мецкими профессорами и каким-то торговцем соглашение о подрывной деятельности; с целью установления преступных контактов он до этого дважды приезжал в Германию; компрометирующий материал находится в прусском министерстве внутренних дел, куда своевременно поступил донос от правительственного агента.

Кое-кто из немецких друзей Кузена сразу отшатнулся от француза-крамольника. В Пруссии приучили видеть в любом задержанном опасного преступника: полиция знает свое дело, а с иностранцами вообще лучше не вступать в контакт. Гегель тоже полностью доверял властям, но, с другой стороны, он привык верить и самому себе, а Кузена он давно уже назвал другом. И каковы бы ни были эмпирические данные, Гегель не сомневался в его невиновности, в том, что случилось недоразумение. Именно поэтому он счел своим долгом выступить в защиту арестованного и обратиться за поддержкой к самому министру внутренних дел. Поскольку Кузен, писал он Шукману, «находится под следствием и его вина еще не доказана, я могу позволить себе сохранить свое прежнее представление о нем и свое уважение к нему»¹¹.

Следствие длилось четыре месяца. «Дело Кузена» разбухло от новых и новых бумаг, но ни одна из них не содержала никаких убедительных данных о том, что Кузен нарушил действующие в Пруссии законы. В начале февраля 1825 года его выпустили, а в конце месяца дело было окончательно прекращено. С письмом Гегеля Гёте Кузен выехал в Веймар.

Год назад Гёте прислал философу записку с очередным комплиментом: «Пусть все, что я еще способен совершить, примыкает к тому зданию, что Вы основали и ныне возводите»¹². Гегель тогда не ответил, теперь же он нашел нужные слова: «Если я бросаю взгляд на ход моего духовного развития, я вижу повсюду Вас, и мне хотелось бы называть себя одним из Ваших сыновей; мой внутренний дух находил у Вас новые силы в борьбе против абстракций и равнялся на Ваши создания, как на свою судьбу»¹³. Гёте постарался загладить оставшиеся у Кузена неприятные впечатления от пребывания на немецкой земле.

* * *

Следующая встреча Гегеля с Кузеном произошла в Париже, куда философ, осуществляя свою давнюю мечту, отправился осенью 1827 года.

Проезжая по дорогам Франции, Гегель вспоминал свою юность, свое восторженное увлечение революцией. Вот и

Вальми. Здесь впервые санкюлоты разбили союзные армии, сражение видел Гёте, сказавший на поле боя прусским офицерам: «Отсюда и с сегодняшнего дня начинается новая эпоха мировой истории, и вы можете сказать, что присутствовали при этом».

В Париже Гегеля поджидал Кузен. С его помощью философ устроился в недорогих меблированных комнатах близ Люксембургского сада. Вместе они побывали всюду, где происходили важнейшие события революции, осмотрели Лувр и окрестности Парижа. Посетил Гегель и Монморанси, где находится знаменитый собор с усыпальницей королей; философа, впрочем, больше интересовало имение, в котором когда-то жил Руссо и сохранился посаженный им розовый куст.

Вечера, как и в Вене, Гегель проводил в театре. На этот раз его увлекла драма. В Париже, писал он жене, играют значительно сдержаннее, с меньшим пафосом, чем наши актеры и актрисы... Французы вообще спокойнее и определеннее в выражении своих чувств, чем мы, особенно ты. Сколько раз я говорил тебе, что ты должна заниматься делами и говорить без аффектации.

Знаменитая Марс сразу покорила философа. «Нельзя не восторгаться ее спокойной осанкой образованной женщины, которая, несмотря на возраст, выглядит прекрасно, особенно анфас; у нее живые красивые глаза и чистый, отчетливый, выразительный голос. Особенно в “Эмили”* зритель не может удержаться от слез. Ее глаза открыты, но не столь тупо, как у Мюллер, зрачки и веки ее в движении, но обращены в пустоту. Она трогает необычайно, правильно играя эту роль, показывая ее внутреннюю глубину. Мне мешали возгласы “тс”, “тс”, которыми публика старалась устранить другие помехи: вздохи, всхлипывания и рыдания зрителей. Только благодаря игре Марс я понял, что “Гартюф” — это комедия и почему именно»¹⁴.

В Париже Гегель встретил берлинца Раумера, который был также без ума от Марс и уже познакомился с ней. Гегель попросил Кузена и его представить великой актрисе. Француз был в смущении. Это невозможно, высказывал он Раумеру свои опасения, при внешности Гегеля и его манере говорить их наверняка скопируют и высмеют на подмостках. Раумер посоветовал Кузену сослаться на то, что в Париже порядочные люди не ходят за кулисы, сказать, что он, Раумер, своим знакомством нарушил правила хорошего

---

* Пьеса Скриба.

тона. Кузен так и поступил, Гегель ему поверил и посоветовал на своего коллегу в письме жене: «Сегодня днем Раумер пойдет на аудиенцию к мадемуазель Марс, он должен побывать у всех актрис; Кузен находит это смешным». Кузен вообще старался не водить Гегеля в частные дома, говорил, что весь Париж разъехался и что подобные визиты здесь не приняты. Познакомился Гегель лишь с Минье и Тьером. Однажды ему довелось побывать на заседании Академии наук; усиленно посещал он библиотеки, пытаясь читать и даже работать.

Из Парижа Гегель писал далеко не с тем энтузиазмом, что из Вены. Он жаловался на безалаберный уклад французской жизни. Гегель привык обедать в час, плотно, но умеренно. Здесь за стол садились в пять и пировали до вечера. После того как у него однажды разболелся живот и несколько дней ему пришлось провести в постели, он категорически отказался обедать с Кузеном и вернулся к привычному режиму.

Месяц в Париже пролетел быстро, и в первых числах октября Гегель покинул французскую столицу. Кузен сопровождал его до Кёльна. В Брюсселе их принимал ван Герт. Затем Гегель направился в Веймар, к Гёте. «Я должен был подробно рассказывать Гёте о политических и литературных взглядах во Франции, он очень интересовался всем; он полон сил и здоров, в общем, старик, вернее — вечный юноша, стал несколько спокойнее; он такой почтенный, добрый, дружески настроенный человек, что в нем забываешь гения. Мы встретились как старые друзья, не с целью наблюдать и слушать друг друга, не ради славы или чести, а сердечно. Сын говорил мне за столом, как обрадовался Гёте, узнав, что собираюсь заехать к нему на обратном пути из Парижа»¹⁵.

А вот сведения о той же встрече из другого источника (запись И. Эккермана, секретаря Гёте от 18 октября 1827 года): «Здесь Гегель, которого Гёте лично очень уважает, хотя некоторые порожденные его философией плоды ему и не совсем по вкусу. Гёте устроил в честь Гегеля званый вечер, на котором присутствовал также и Цельтер, намеревавшийся уехать в ту же ночь.

Много говорили о Гамане, причем особенно обстоятельно высказывался Гегель, который развил относительно этого выдающегося мыслителя такие основательные соображения, какие могут быть только результатом самого серьезного и добросовестного изучения предмета. Затем беседа коснулась сущности диалектики.

— Это в основе своей не что иное, — сказал Гегель, — как урегулированный и методически разработанный дух противоречия, который присущ каждому человеку, — дар, обнаруживающий всю свою важность в различии истины от лжи.

— Жаль только, — вставил Гёте, — что такого рода изысканными приемами мышления часто злоупотребляют и применяют их для того, чтобы истинное представить ложным, а ложное истинным.

— Да, это, конечно, бывает, — возразил Гегель, — но только с людьми, которые духовно больны.

— Поэтому-то я и стою, — сказал Гёте, — за изучение природы, которая не позволяет возникнуть такого рода болезни; ибо здесь мы имеем дело с бесконечно и вечно истинным; но истина покидает как недостойного всякого, кто при рассмотрении и изучении своего предмета поступает недостаточно чисто и честно. Я вполне уверен, что многие больные диалектикой в изучении природы найдут благодетельное исцеление»¹⁶.

Гёте и Гегель как мыслители, по сути дела, решали одну и ту же теоретическую задачу — познание органического целого. Гегель в своем учении о конкретности понятия искал пути к решению проблемы средствами диалектической логики; система категорий, подвижных и переходящих в свою противоположность, по его мнению, дает возможность понять развивающийся организм. Перед Гёте открылась иная возможность. Согласно его учению о «первичном феномене» человек в единичном может увидеть всеобщее, в явлении раскрыть сущность. Это видение есть нечто большее, чем простое восприятие, но оно носит все же чувственный характер.

Учение о «первичном феномене» — центральная идея философии Гёте. В естествознании она, правда, не нашла применения: Гёте безуспешно искал «первичное растение», конструировал образ «первичного животного». Но в эстетике идея «первичного феномена» оказалась исключительно плодотворной. Здесь берет свое начало учение о типическом в жизни и искусстве.

Гегель однажды получил от Гёте в подарок бокал богемского стекла с желтой отделкой, которая на черном фоне при ярком освещении приобретала синюю окраску. Гёте считал, что это наглядная демонстрация правильности его учения о природе цвета. Приложенная к подарку записка гласила: «Абсолюту рекомендует себя лучшим дружеским образом прафеномен».